

Все началось с того, что тетушка Сусанна выпала из окна. По-настоящему она не была моей тетей, она была дальней родственницей моего второго мужа и досталась мне по наследству вместе с его славным именем и домом, который он изрядно изуродовал, пытаясь перестроить по собственному проекту.

Старушка смутно помнила русско-японскую войну, и по самым скромным подсчетам ей давно перевалило за сотню лет, что отнюдь не мешало Сусанне вести чрезвычайно активный образ жизни. Лет двадцать назад она начала обратный отсчет своим годам, и теперь выходило, что ей восемьдесят семь. Утверждение, начисто лишенное логики. Какая в этом случае русско-японская война? Софья заявила, что старушка просто выжила из ума, с чем я решительно не могла согласиться. Несмотря на свой преклонный возраст, тетка Сусанна отличалась твердой памятью (особенно на чужие проступки), невероятным ехидством и редким умением довести до белого каления любую человеческую особь, будь то младенец или убеленный сединой философ. Достаточно было одного взгляда на сморщенное личико Сусан-

ны с пакостной улыбкой и злыми глазками, чтобы захотелось незамедлительно придушить ее.

Софья неоднократно высказывала удивление, почему я терплю Сусанну в своем доме, коли она мне даже не родственница. Кстати сказать, с моим вторым мужем они терпеть друг друга не могли и ругались как минимум трижды в день. Однажды Костас даже запер ее в кладовке. Поступок, безусловно, недостойный мужчины. Старушка, как только выбралась из заключения, огрела его палкой, на которую опиралась при ходьбе, и сумела-таки пробить ему череп. И это несмотря на то, что отличалась subtilностью, а к тому времени и вовсе усохла, а голова моего супруга, по мнению его недоброжелателей, славилась невероятной крепостью (недоброжелатели произносили это словосочетание издевательски, имея в виду, что супруг невероятно туп).

Так вот, несмотря на застарелую вражду между родственниками и давнюю кончину Костаса, Сусанна продолжала жить в нашем доме. Этому было две причины. Первая: в доме для престарелых старушку за ее дурной нрав непременно кто-нибудь придушит, вторая: отличаясь острым взглядом и злым языком, она не давала мне возможности расслабиться, всегда поддерживая в нужном тоне.

Если Сусанна ядовито замечала: «Что-то ты скверно выглядишь», надо было срочно отправляться к косметологу, пока я действительно не начала выглядеть скверно. Домашние ее терпеть не могли, что и неудивительно. Больше всех от нее доставалось поварихе Розе и домработнице Наталье. Татарка Роза — существо доброе, милое и улыбчивое — при виде

Сусанны стискивала зубы с такой свирепостью, что становилась похожа лицом на Тамерлана. Тетушке сие доставляло явное удовольствие.

Всем в доме Сусанна дала прозвища. Меня неизменно называла аферисткой, Софью — приживалкой, детей моего третьего мужа соответственно — лоботрясом и дурочкой, Розу — отравительницей, а Наталью — грязнулей. Любви домашних ей это не прибавило. Они бурчали под нос, что старушка задержалась на этом свете, мол, пожила, пора и честь знать.

Каюсь, эти мысли иногда приходили в голову и мне, но, к чести моей, лишь в минуты слабости. В глубине души я была уверена, что Сусанна существо бессмертное, посланное нам за грехи, и не сомневалась, что она переживет меня и отойдет по наследству детям. И то, что Сусанна едва нас не покинула, явилось для меня громом среди ясного неба.

В то утро мы с Софьей пили чай на веранде и составляли список гостей, которые ожидались завтра. Специально мы никого не приглашали, решив, что те, кому надо, сами явятся, и теперь прикидывали, «кому надо». Повод, для того чтобы собраться, был невеселым, но ответственным: завтра исполнялся ровно год, как мой муж, Борис Артемьев, скончался от цирроза печени, оставив мне своих двоих детей от первого брака и светлую память. Литературная общность до сих пор скорбит по поводу этой утраты, так как мой муж был известным беллетристом. Настолько известным, что читатели (особенно читательницы) сходили по нему с ума. Популярность стала для супруга тяжкой ношей, он запил, как это водит-

ся у российских гениев, и скоропостижно скончался на пятьдесят третьем году жизни, правда, оставив два практически законченных романа (возможно, даже три или четыре, он был очень плодовит). Су-санна как-то высказалась по этому поводу:

— И когда он только пишет, ведь с утра пьян в стельку.

— Фолкнер пил даже больше, — нашлась Софья, — и умудрился стать классиком.

— Вот уж не знаю, — ядовито усмехнулась Су-санна, что было истинной правдой: Фолкнера она знать не знала.

— Гений может творить в любом состоянии, — гнула свое Софья, хоть и знала, что спорить с Су-санной — зря терять время.

— Это Борька-то гений? — хихикала старушка. — Дурак он, прости господи, никчемный мужичишко. И если б наша аферистка не подобрала его, он до сих пор валялся бы на помойке, где ему самое место.

Софья вздыхала, а я лишь пожимала плечами. Кое-что в словах старушки вполне могло сойти за правду. На момент нашего знакомства с Борисом Петровичем он был никому не известным гением в возрасте сорока пяти лет, которого никто упорно не хотел печатать. Иногда ему удавалось запихнуть рассказик в какой-нибудь толстый журнал, но, так как журналы сами бедствовали, гонораров на хлеб насущный ему не хватало. Борис Петрович существовал на деньги брата. Он впал в пессимизм, ненавидел всех, особенно издателей и писателей, успеш-

ным собратьям по ремеслу яростно завидовал и исходил лютой злобой.

Я в то время вдовствовала, только что похоронив своего второго мужа, известного художника Костаса Одинцова. На самом деле его звали Константином, но ему казалось, что «Костас» звучит гораздо впечатляюще, и он придумал себе бабку — то ли грузинку, то ли гречанку. Может, такая и была в наличии, но из всей его родни я знала лишь Сусанну, которая изводила Костаса насмешками над его живописью и называла мазилкой.

Кстати, когда мы познакомились с Костасом, он тоже числился непризнанным гением. Наш брак, то есть обрушившееся на него счастье, перевернул душу художника, и он внезапно создал шедевр (так считали многочисленные критики), потом второй, потом шедевры бесперебойно последовали один за другим. Картины охотно раскупали иностранцы. Теперь они находятся во многих частных собраниях и музеях мира, а стоят столько, что мне иногда становится неловко. Так как первым шедевром был мой портрет, да и потом Костас очень часто рисовал меня, малая толика его славы досталась и мне.

На первой картине у меня была кошачья голова (но мои черты угадывались), на второй моя голова на кошачьем теле. Кто-то робко назвал Костаса русским Сальвадором Дали. И понеслось... К сожалению, муж, работая как проклятый, подорвал свое здоровье, чему способствовала и неумеренная тяга к спиртному, и скончался в апофеозе славы.

Это я к тому, что на момент встречи с Борисом у меня имелся опыт общения с гениями, причем Кос-

тасом он не ограничивался. Первый мой муж — итальянец — до сих пор безумно популярен на своей родине, хотя и умер пятнадцать лет назад. Мы познакомились в Питере, куда Антонио прибыл на гастроль в составе ансамбля итальянской поп-звезды. Этому крикливому певцу он, кстати, страшно завидовал. Мне в то время только что исполнилось семнадцать, я была романтична, глупа, мечтала жить за границей и могла влюбиться в кого попало, а тут все-таки музыкант. Наш роман был бурным, по-итальянски темпераментным и закончился свадьбой. Он увез меня в Рим, и я смогла убедиться, что мои мечты о загранице не имеют ничего общего с действительностью.

Дабы не умереть от скуки, а заодно и от голода (муж вскоре ушел от звезды, обозвав того бездарем и занудой), и вспомнив, что за плечами у меня музыкальная школа, я начала петь в захудалом ресторанчике по соседству с нашим домом. Антонио по доброте душевной написал для меня несколько песенок, чтобы разнообразить мой репертуар. Песенки неожиданно понравились. Потом меня услышал музыкальный продюсер, бог знает как оказавшийся в нашем заведении. Последовал невероятный поворот судьбы, и мой муж в одночасье стал знаменитым. Звезды выпрашивали у него песни, звукозаписывающие студии рвали на части, а он на пути к вершине славы внезапно утонул в ванне. Сел в холодную воду с желанием протрезветь, но вместо этого уснул и захлебнулся. Я в то время находилась в Милане и не могла при всем желании вытащить его из ванны. Знал бы он, какая слава ждала его впереди,

поостерегся бы трезветь подобным образом и просто вставал бы под холодный душ.

Похоронив мужа, я, порывшись в его бумагах, обнаружила еще семь очень неплохих мелодий. Я продала их с большой для себя выгодой и вернулась на родину, решив, что в Италии, по большому счету, делать мне нечего.

Родина встретила меня ласково: вдова известного итальянского композитора и сама почти певица. При желании я бы могла сделать неплохую карьеру, но желания у меня не было. Я искала спутника жизни и мечтала о женском счастье (сказать по правде, нашу жизнь с первым мужем назвать счастливой можно было лишь в приступе белой горячки).

Претендентов на мою руку и сердце было множество, но как-то не верилось, что кто-то из них в самом деле меня осчастливит. Одних интересовали мои деньги, других неземная красота. И те и другие намеревались попользоваться, а мне хотелось, чтобы меня носили на руках.

Вот тут-то и появился Костас, его привел ко мне в гости один мой знакомый поэт. Костас уничтожил все продуктовые запасы в моем холодильнике и между делом научил меня смешивать краски. Я была ему благодарна и вскоре вышла за него замуж. Потом он сделался знаменит, запил и умер, а я вновь задумалась о женском счастье.

К тому моменту я была очень богатой женщиной и мне следовало соблюдать осторожность, потому что аферистов, как известно, пруд пруди, а мы настолько беспомощны, когда речь заходит о чувствах... Многие кандидатуры были с негодованием от-

вергнуты мною. Бизнесмены и политики меня пугали, душа стремилась к людям творческим, и тут Борис Петрович Артемьев попал под колеса моей машины.

Произошло это поздней осенью в десять часов вечера. Фонари в переулке отсутствовали, а Борис Петрович игнорировал светофор и к тому же переходил дорогу в неполюженном месте. В результате заметила я его слишком поздно. Я затормозила, отчаянно взвизгнув. Он метнулся, точно испуганный заяц, но все равно его бедро пришло в соприкосновение с крылом моей машины. Он рухнул на асфальт. Я выскочила из машины. Борис Петрович стонал, но в больницу ехать отказался наотрез. В результате я привезла его к себе, где мы и познакомились.

Борис влюбился в меня с первого взгляда. По крайней мере, он не раз заявлял об этом в своих многочисленных интервью. Не берусь утверждать, но точно помню, что мою квартиру после происшествия в переулке он покидал крайне неохотно, ближе к вечеру следующего дня. За это время он успел трижды покушать, принять ванну, выспаться и рассказать мне историю своей жизни. В ней было много страданий и завистников. Я прониклась сочувствием, тем более что Борис Петрович без конца потирал поврежденное бедро и морщился. Через день он пришел опять, сообщив, что обнаружил во мне родственную душу. Согласитесь, такое происходит не часто. Потом он стал захаживать ежедневно и вскоре уже практически не покидал моей квартиры — должно быть, из-за боязни, что назад я его не пушу. Но я была далека от этого. Стоя возле камина с кружкой

горячего глинтвейна, Борис Петрович сообщил, что намерен взяться за роман, что и выполнил буквально на следующее утро, то есть позавтракал и взялся. Процесс увлек не только его, но и меня, роман был написан в рекордные сроки: двадцать семь дней. Потом еще три месяца Борис Петрович, как он выразился, его отшлифовывал и наконец-то отнес в издательство. Рукопись приняли и вскоре напечатали. Книга стала бестселлером, а Борис Петрович уверенно устремился к вершинам славы. Но перед этим сделал мне предложение. Мы обвенчались в сельской церкви на родине Артемьева и восемь лет прожили душа в душу, хотя, не выдержав бремени счастья, Борис Петрович начал употреблять, увлекаясь алкоголем все больше и больше. Но я к этому относилась с пониманием, и данное обстоятельство разлад в семью не внесло.

Однако моя забота все же не спасла Артемьева от безвременной кончины, которая произошла год назад. И теперь мы с Софьей прикидывали, сколько народу прибудет завтра, чтобы подготовиться, не ударить в грязь лицом и достойно помянуть покойного.

— Шампанское вряд ли понадобится, — заметила Софья, качая ногой и играя шлепанцем. По причине жары она была в шортах, майке, смешной шапочке с ушками из пластмассы. Наряд совершенно нелепый, но он очень нравился Софье, а Софья нравилась мне.

Она считалась моим секретарем, но была подругой, хотя и работы ей хватало. Наследство, доставшееся мне от трех мужей, требовало внимания. Авторские права Артемьева перешли ко мне, издатель-

ства умоляли передать им рукописи, которые муж практически закончил. В общем, голова пухла от множества дел, и обойтись без Софьи было невозможно.

Она жила в нашем доме, потому что семьи у нее не было и она не собиралась ею обзаводиться. Сейчас, разглядывая ее, я вдруг поняла, что она спятила: красивой молодой женщине стоило подумать... Впрочем, у нее было столько романов, что недостаток в любви она вряд ли испытывала, а семья... в конце концов, у нее есть я, а у меня есть она. Совсем неплохо, если вдуматься.

Софья среднего роста, стройная, ее фигура до недавних пор больше напоминала мальчишескую. Потом Софья решила, что ее необыкновенно украсит роскошный бюст, и отправилась за ним в клинику. После хирургического вмешательства бюст превзошел самые смелые ее ожидания, Софья невероятно гордилась им и охотно демонстрировала.

— Куда ты смотришь? — вдруг спросила она, оторвавшись от бумаг, что лежали на столе.

— На твой бюст, — ответила я.

— Миленько смотрится, правда?

— Ты говоришь о нем, как о новой шляпке, — усмехнулась я.

— Трудно воспринимать его органично, — скривила она забавную физиономию и тут же добавила: — Тебе этого не понять, у тебя настоящий лучше моего силиконового. И мои страдания...

— У тебя ноги красивее, чем у меня, — поспешила заверить ее я, желая отбить у нее охоту жаловаться.

— Не смейся, — презрительно фыркнула Софья. — Ты само совершенство. Мне понадобится угробить

не один год, прежде чем я смогу приблизиться... Я тебя про шампанское спросила, — нахмурилась она. — Ты все знаешь, скажи, шампанское уместно на поминках?

— Закажи десяток бутылок, — пожалала я плечами. — В конце концов, это встреча старых друзей...

При слове «друзья» Софья закатила глаза, давая понять, что она думает о таких друзьях.

— Хорошо. Пусть лежат на всякий случай, у тебя через месяц день рождения, все равно покупать. Красное вино есть, белого тоже хватит. Закажу мартины, коньяк прислал Ашот, кстати, он звонил, возможно, на днях заглянет... В доме нет водки, а твои литературные дамы хлещут ее стаканами. Придется заказать ящик.

— Аглая тоже перешла на водку, — заметила я. — Утверждает, что для здоровья она полезней.

— Она ж коньячок уважала.

— Теперь она вегетарианка, а из алкоголя пьет только водку, причем исключительно «Довгань Дамская».

— Вот как, — Софья быстро сделала пометку в ежедневнике. — Водка вправду хорошая, или дама, как всегда, интересничает?

— Хорошая, — кивнула я. — Я пробовала.

— Ты пила водку? — вроде бы не поверила Софья.

— Как русский человек, имею право расслабиться. По-моему мнению, водка должна отвечать трем требованиям: не вонять так, что с души воротит, иметь мягкий вкус, чтобы плечами не дергать, когда пьешь, а главное, с утра не мучиться головной бо-

лю. Всем трем условиям она отвечает, так что пиши: водка «Довгань Дамская», ящик.

— Чем больше я тебя знаю, тем больше убеждаюсь, что не знаю тебя вообще, — посетовала Софья.

— Что еще за глупости?

— Нет, правда, ну где ты водку пила? У себя в комнате, когда никто не видит?

— На приеме у Соболевского, куда ты со мной не поехала. И там как раз подавали «Довгань Дамскую». Жена Соболевского большая поклонница этого напитка, все уши прожужжала. Оказывается, это старинный рецепт, который был утерян. В наше время правнучка некоего дворянина с юга России нашла его в бумагах предков и решила возродить производство.

— Везет же некоторым. Мне предки оставили только долги по квартплате. И что дальше? Девушке повезло и она разбогатела?

— Насчет богатства не знаю, но качество водки отменное. В старину дамы ее очень уважали, отсюда и название. Соболевская рассказывала, что у девушки было несколько рецептов, но их похитил один шустрый малый, однофамилец, который набивался в родню. Потрясающая детективная история. Жаль, Артемьев умер, мог бы использовать ее в своем романе.

— И чем же все закончилось?

— Шустрый малый позаимствовал все рецепты, кроме одного. Этой самой «Довгань Дамской». Рецепт был в любовном письме, которое, по счастью, в руки ему не попало.

— С мужиками надо держать ухо востро. Слу-

шай, а из чего вообще водку делают? — додумалась спросить Софья.

— «Довгань Дамскую» делают с использованием настоя яблок и винограда. Причем определенных сортов. А вообще из чего угодно. Текилу, к примеру, из агавы.

— Брехня, — нахмурилась Софья. — Хотя черт его знает... Лучше свое, отечественное. Яблоки и виноград все-таки предпочтительнее агавы.

— Естественно, что после таких рассказов я не могла не попробовать «Дамскую». Попробовала и осталась довольна.

— А-а, — кивнула Софья и вроде бы успокоилась. Надо сказать, она довольно ревнива и терпеть не может, когда что-то в моей жизни происходит без ее участия. Но в данном случае она сама виновата, к Соболевским ее приглашали, но она не поехала: полгода он был ее любовником, и у Софьи, по ее собственному выражению, «глаза на него не смотрели». — Меню с Розой мы уже составили, напитки закажу сегодня, остается определиться с гостями. Ты, я, Макс, Кристина, наши литературные дамы в количестве четырех штук... Далее: в гости напрашивается некий господин Хоботов, пишет, что он друг покойного. Ты такого знаешь?

— Должно быть, собутыльник. Пусть приезжает, места хватит всем.

— Твоя доброта не знает границ, — совершенно серьезно заметила Софья. — Еще письмо от некой Болеславской Ирины Витальевны. Эта пишет, что она твоя закадычная подруга, хотела бы встретиться, выразить сочувствие, и все такое...

— Болеславская? — задумалась я. — Ах, это Ирина, мы с ней вместе в цирке работали.

— Ты работала в цирке? — растерялась Софья.

— Я там клетки чистила. — Лицо ее вытянулось, а мне стало стыдно. — Вру. Я была ассистенткой фокусника, он засовывал меня в ящик, а потом распиливал.

— По-твоему, я так тщательно составляла твою биографию для того, чтобы ты отмачивала свои шуточки? — сурово поинтересовалась Софья. — Не вздумай такое брякнуть при посторонних.

— Позвони Ирине и скажи, что я с радостью встречусь с ней, — предпочла я сменить тему.

— Будет еще Чемезов, приятель Кристины. Как думаешь, у них это серьезно?

— Надеюсь.

— Макс тоже собирался пожаловать с подружкой. У него их три десятка, потому не знаю, с какой именно.

— Оставь мальчика в покое, — отмахнулась я.

— Кстати, о мальчике. Когда поблизости болтаются фотографы, старайся держаться от него подальше.

— С какой стати? — удивилась я.

— Зачем вызывать у людей ненужные мысли? Общественность считает, что тебе где-то в районе тридцати, а тут взрослый парень в сыновьях.

— Он сын Артемьева.

— Неважно. Мысли все равно возникают.

— Ну и что? Я же не солистка девчачьей группы...

— А вдруг ты ею решишь стать? — пожала плечами Софья. — Опять же на последней фотографии в

журнале ты выглядела моложе Макса, а он так старательно тебя обнимал...

— Ты совершенно спятила, — разозлилась я. — Я люблю Макса, он хороший мальчик...

— Он успел вырасти, ему уже двадцать три года. И теперь, когда умер его отец...

— При чем здесь это?

— Смею напомнить, — в свою очередь разозлилась Софья, — что желтая пресса окрестила тебя «профессиональной вдовой». Твои мужья умирали на пике карьеры, оставив тебе приличное состояние, а главное, авторские права. Кстати, опять звонили по поводу твоего портрета. Его просто жаждут приобрести...

— Мне не нравится выражение лица на этом портрете.

— Опять-таки смею напомнить, что ты тратишь слишком много, наши расходы...

— Продадим портрет с синей рюмкой, — перебила ее я.

— С чем? — скривилась Софья.

— С синей рюмкой. А что, звучит неплохо. Под таким названием и представим его в каталоге. Через три месяца аукцион, и мы опять разбогатеем. К тому же не забывай о книгах Артемьева. Скворцова жаждет их получить, а это значит, мы заключим договор на самых выгодных для себя условиях.

— Только держись подальше от Макса, — вздохнула Софья. — Его чувства к тебе ничего общего с сыновними не имеют.

— Прекрати говорить гадости.

— Я не говорю гадости, я констатирую факт.

— Ему прекрасно известен мой возраст...
— А кого это волнует? Уж точно не его.
— Такие отношения совершенно бесперспективны, Макс разумный мальчик и понимает...

— Вот уж нет. Я не его разум имею в виду. Тут ты права, он в семействе точно приبلудный. То есть по поводу мамыши ничего не скажешь, умна, стерва, а папуля... тьфу ты, о покойниках плохо не говорят. Кажется, я мысль потеряла.

— Не ищи ее, лучше выпей чаю.

— Ах да, вспомнила. Макс умный мальчик, но он в тебя влюблен. Разница в возрасте имеет место быть, но ты молодая женщина, красавица и способна...

— Прекрати, — взмолилась я. — Звучит, как на моих похоронах, я сосредоточие всех достоинств.

— Недостатки тоже есть, — пожала плечами Софья. — Но они не идут ни в какое сравнение... А если кто-то из желтой прессы разнохает... Один намек — и скандала не избежать. Вся эта свора завопит, что ты свела мужа в могилу, чтобы заполучить сыночка, или что сыночек свел в могилу папашу, чтобы расчистить себе дорожку, что для нас ничуть не лучше. Мальчик восхищается тобой, я бы даже сказала, благоговееет, но если ты поведешь себя с ним не как мачеха, а как женщина...

— Господи, как ты мне надоела, — не выдержала я. — Ты же знаешь, я люблю Макса как сына, которого у меня никогда не было и, похоже, не будет. Меня никогда не интересовали мужчины моложе меня, во мне слишком развит материнский инстинкт, хочется им помочь, оградить от неприятнос-

тей, но не более того. И здесь даже неважно, на сколько лет он моложе — на три или на десять.

— Слава богу, значит, стоит опасаться только тех, кому ближе к сорока, чем к тридцати, — дипломатично выразилась Софья. — Но и здесь неплохо бы повременить. Твое последнее увлечение...

— Замолчи немедленно, — по-настоящему разозлилась я. Софья схватила чашку и с постным видом отхлебнула глоток. Я отвела взгляд с намерением насладиться пейзажем.

Вид с веранды открывался великолепный. Дом находился в пригороде, в весьма живописном месте. До ближайшей остановки троллейбуса отсюда всего то десять минут на машине, а чувство такое, что ты за тысячу километров от цивилизации.

Этот дом мы купили у чиновника высокого ранга, который по милости злодейки-судьбы оказался под следствием. Вокруг шумел сосновый бор, полтора десятка домов совершенно терялись в нем. Участок огромный, на нем тоже росли сосны. Дом стоял на высоком берегу реки, к которой вела мраморная лестница, на реке была устроена купальня.

Разумеется, вся территория была обнесена высоким забором. Попасть на территорию, так сказать несанкционированно, можно лишь по воде, ставить забор в реке показалось глупым даже высокому чиновнику, а меня и вовсе заборы не занимали. Даже от видеокамер я отказалась. Конечно, имелась сигнализация, но ею пользовались, только когда я надолго уезжала, а Роза и Наташа на это время покидали дом. Кроме них, при доме практически посто-

янно жили двое мужчин: сторож и садовник. Оба преклонного возраста.

На реке, кроме купальни, была пристань, возле которой в настоящий момент замерли две моторки. Костас после покупки дома пытался все здесь перестроить, но я вовремя вмешалась, и нанести настоящий ущерб дому он не успел. Возвел лишь застекленную веранду вдоль всего фасада, несколько изувечив его, но здесь было очень приятно отдохнуть, и я смирилась.

Дом был построен в форме буквы П, повернутой ножками в сторону реки, фасад в неоклассическом стиле (до вмешательства Костаса, разумеется) выходил к дороге, правда, от дороги дом отделяли сосновая роща и лужайка, с двух сторон были разбиты цветники. Возле ворот домик сторожа. От домика к реке шла березовая аллея.

Я любила этот дом и предпочитала жить здесь, хотя не всегда это удавалось, мне часто приходилось колесить по свету. Зато я всегда знала, что меня ждет мой дом.

Пейзаж, легкий ветерок, солнце, которое довольно высоко поднялось над рекой, настроили меня на лирический лад. Я блаженно потянулась и тут вспомнила, что время неумолимо движется к полудню, а я еще в пеньюаре.

— Парикмахер будет в одиннадцать, — точно угадав мои мысли, сказала Софья. Я кивнула.

— Тогда с чаепитием закругляемся.

Я уже собралась встать, когда на веранде появилась Наталья.

— Лариса Сергеевна, — сказала она, — вам пись-

мо. — И протянула мне конверт. Вообще-то почту разбирала Софья, оттого поступок Натальи слегка удивил меня. О распределении обязанностей ей хорошо известно, но тут она добавила: — Просили лично в руки и срочно.

— Кто просил? — нахмурилась Софья, наблюдая за тем, как я вскрываю конверт.

— Подъехал парень на «Жигулях». Курьер, наверное, — пожалала плечами Наталья. — Семеныч конверт принял — и ко мне.

— Сколько раз повторять, никакой самостоятельности, — вздохнула Софья. — Вам бомбу в руки сунут, а вы ее с благодарностью принесете в дом.

— Какую бомбу? — испугалась Наталья.

— Софья шутит, все нормально, — кивнула я. Наталья ушла, а я нахмурилась, потому что к тому моменту уже извлекла письмо из конверта и ознакомилась с его содержанием. Письмо было лаконичным. «Готовься к расплате».

— Что там? — насторожилась Софья. Я молча передала ей листок. Она взяла его в руки и тоже нахмурилась. — Вот зараза, подписи нет. Как думаешь, кто это? — Я пожалала плечами. — По-твоему, это серьезно? Есть на нас какой грех, или злопыхатели?

— Кто ищет, тот всегда найдет, — философски заметила я. — Но письмо серьезным мне не представляется. Кто-то решил поугагать накануне знаменательной даты.

— Кто-то из почитателей Артемьева, которого ты, по их мнению, свела в могилу?

— В могилу Артемьева свело пьянство. Но кому это интересно?

— Не хотела говорить тебе, но в одной из газетенок появилась статья к годовщине смерти знаменитого писателя, и там черным по белому написано, что ты его отравила. А далее намеки на твои связи и прочее... Мол, оттого никто не удосужился провести следствие. То, что супруга кремировали, болтунам лишь на руку.

— Это была воля покойного.

— Да плевать на нее, — отмахнулась Софья. — И в земле бы полежал, невелика разница. — Тут она вдруг замолчала и с сомнением посмотрела на меня. Я пожалала плечами. — Зная его надоедливость... чего доброго, начал бы по ночам таскаться.

— О господи...

— Лариса Сергеевна, — услышала я. В дверях стоял Семеныч с очень решительным выражением лица. В руках он держал grossбух, которым потрясал в воздухе, точно щитом. — Чего это Наталья ругается? Я все по правилам сделал, документ проверил, номер записал. Вот, Софья Андреевна, полюбуйте, у меня комар носа не подточит. — Он хлопнул grossбух на стол перед Софьей и победно взглянул на меня.

— Чего тут? — буркнула подружка.

— «Жигули» номер 404 КИ.

— Служба доставки?

— Так точно. И документ соответствующий у молодого человека имелся. Иначе бы я не принял. Я правила знаю.

— Черта лысого ты знаешь, — услышали мы скрипучий голос, и все трое невольно вздрогнули.

На веранде появилась тетушка Сусанна в цветас-

том платье, соломенной шляпке и нитяных перчатках. Жизнь изрядно скрючила ее, она опиралась на дубовую палку, и если бы не веселенький наряд, запросто могла бы играть Баб-ягу без грима. Злобное выражение физиономии сходству только способствовало.

Сусанна ткнула своей клюкой в сторону Семеныча и прошипела:

— Дармоеды проклятые. Расплодила, аферистка, сама непутная и всяческую шваль вокруг себя собирает.

— Иди, Семеныч, — поспешно сказала я. Он бочком просочился мимо Сусанны, пребывая в величайшем напряжении: старушке ничего не стоило огреть его клюкой, сила в ее тщедушном теле была прямо-таки фантастическая.

Но Семенычу повезло, он выскользнул за дверь без всяких увечий, не удержался и, пользуясь тем, что Сусанна теперь от него довольно далеко, а главное, стоит спиной, досадливо плюнул.

— Чай они пьют, — продолжила Сусанна. — Бездельницы. А ты, лошадь здоровая, в коротких штанах, — комплимент адресовался Софье, — весь срам наружу, смотреть противно... Полный дом дармоедов, а за порядком смотреть некому.

— Тетушка, не хотите ли чаю? — ласково предложила я.

— Пила уже. Три раза пила. Ты мне лучше скажи, кто к тебе шастает, бесстыдница? Только мужа похоронила, чтоб на нем, кровопийце, на том свете черти воду возили, а уже за старое? В монастырь тебе надо, грехи замаливать, а ты все...

— Если она уйдет в монастырь, вам придется переехать в дом для престарелых, — ядовито сказала Софья и улыбнулась от уха до уха. — Так что подумайте, прежде чем давать дурацкие советы.

— Тебя забыли спросить. Молиться тебе надо, — вновь обратилась ко мне Сусанна, — а не с мужиками шашни крутить. Бесстыдница.

— Тетушка, какие шашни? Я весь год в посту и молитве. В эротическом смысле.

— А к кому тогда шастает? Значит, к этой голенастой.

— Вот уж нет, — возмутилась Софья. — Да с чего вы взяли?

— А с того, что слышу. Две ночи подряд по коридору шмыг-шмыг, возле твоей двери затихнет, а через час назад — шмыг.

— Через час? Это не ко мне, — покачала головой Софья. — Я б своего до утра не отпустила.

— Слушать тебя тошно, — рыкнула Сусанна.

— Тогда с глупостями не приставайте.

— А вам не послышалось? — спросила я, нимало не сомневаясь в правоте Сусаниных слов, что-что, а слух у старушки отменный, так же, как и взгляд. Ей бы в милиции служить розыскной собакой.

— Мне не слышится, потому как я в трезвом уме пребываю. Водку ящиками не заказываю.

— Тетушка, вам никто не говорил, что подслушивать нехорошо? — робко заметила я.

— Тебе в ноги мне поклониться надо, — возвысила она голос. — На мне весь дом держится. Если б не я, ты давно бы по миру пошла с такими-то друзьями и советчиками.

— Давайте вернемся к тому, кто шастает по коридору, — дипломатично предложила Софья.

— Шастает, — удовлетворенно кивнула тетушка. — Две ночи подряд, либо к тебе, либо к Ларке. У вас двери напротив, он там замирает, и более его, подлеца, не слышно.

Мы с Софьей с недоумением взглянули друг на друга. В том, что ко мне никто не «шастает», я была абсолютно уверена, но и в том, что шастают к Софье, тоже сомневалась. Прежде всего, таиться ей ни к чему, ее возлюбленный мог появиться здесь вполне официально. А если не мог? Если он по какой-то причине вынужден хранить свою любовь в тайне? Софья совершенно не способна иметь от меня секреты, непременно бы проболталась. Да и я заметила бы ее мучения, потому что по-другому словесное воздержание и не назовешь.

Однако, если Сусанна говорит «шастает», тут тоже можно не сомневаться, ее качества ищейки заслуживали лучшего применения. Выходит, Софья вынуждена скрывать от меня возлюбленного, а скрывать она его может лишь в том случае, если ее интересы идут вразрез с моими. Если учесть, что у меня нет мужчины даже на примете, то... «Макс, — подумала я. — То-то она так беспокоится о моей нравственности». Софья смотрела на меня с задумчивостью, потом вдруг поморщилась, закусила губу и отвернулась. Почему-то я была уверена, что то же самое имя пришло в голову и ей. Интересно, почему она отвернулась: решила, что я догадалась, или подозревает, что он действительно ходит ко мне, и досадует

на мою неосторожность? Надо бы все это выяснить, разумеется, когда мы избавимся от Сусанны.

— Что примолкли, вертихвостки? — точно получив сигнал к бою, возопила старушка.

— Может, вам стоит принимать успокаивающее? То есть я хотела сказать снотворное? — поспешно поправила я.

— Я бы и так прекрасно спала, не устрой вы в доме бордель.

— Это уж слишком, — пробормотала Софья и зачем-то схватила сахарницу. Я испугалась, что она, чего доброго, метнет ее в старушку, и торопливо поднялась.

— Меня ждет парикмахер.

— Все прихорашиваешься, — мгновенноотреагировала тетушка. — Прямо расцвела, как мужа-то схоронила. Другие слезы льют, а ты все хорошеешь. Вон как скачешь, точно коза. А ведь уже не девочка. Сколько тебе годов-то будет, я все забываю?

— Я ровно в пять раз моложе вас, — ответила я с ласковой улыбкой. — Вы вполне могли бы быть моей прапрабабушкой.

— Это точно, — кивнула Софья. — Возьмите калькулятор и сосчитайте. Только боюсь, что свой возраст вы успели забыть.

— Не волнуйся, — ответила Сусанна, а мы поспешили покинуть веранду, таким образом, поля боя осталось за ней.

— Когда-нибудь я ее придушу, — мечтательно сказала Софья. — Слушай, а каков возраст долгожителя, зарегистрированного в Книге рекордов Гиннеса? — с беспокойством спросила она.

— Каким бы он ни был, Сусанна его переживет, — сладким голосом убила я чужую мечту. — Авраам жил девятьсот лет, если верить Библии.

— Кто ж Библии не верит? Мама дорогая... — Мы разом засмеялись, спускаясь по лестнице.

Внизу меня ждал парикмахер. Я свернула в боковой коридор, туда выходила комната, соединенная с моей личной ванной. Именно в этой комнате парикмахер обычно занимался моей прической. Софья толкнула ближайшую дверь, там был ее кабинет. В это время она разбирала почту, отвечала на звонки и письма. Через час мы встретимся вновь, она сообщит мне новости, которые сочтет заслуживающими моего внимания, а я продиктую ответы на письма, если это понадобится. В особо экстренных случаях Софья приходила ко мне, и тогда я диктовала ответ, пока мастер делал мне прическу. Однако я этого очень не любила и Софья тоже.

В доме все жили по установленным правилам, распорядок дня был практически неизменным. Тетушка Сусанна пойдет отдыхать, потому что встает ни свет ни заря и начинает изводить Наталью. Наталья тоже сможет отдохнуть, другого времени у нее просто не будет, Семеныч отправится за продуктами, а Роза будет готовить обед.

— Все просто отлично, — пробормотала я, испытывая смутное беспокойство. Неужто слова Сусанны так подействовали на меня? С какой стати? Если Софья крутит роман с Максом, я не возражаю. У Софьи, в отличие от меня, нет возрастных ограничений при выборе мужчин, а Макс у общении с ней пойдет на пользу. Как любит выражаться Софья, «ста-